Евой семье, а значит, в цирке, но его путь на манеж оказался далеко не простым.

...Он мечтал стать драматическим артистом. В школе занимался в драмкружке, читал стихи, Аркашку Несчастливцева в «Лесе» играл. После десятого класса поступал буквально во все театральные учебные заведения Москвы. Тогда, в 56-м, такая возможность была: экзамены везде начинались в разное время. Вот так, по очереди, обошел Шукинское, Шепкинское, ВГИК, ГИТИС. Пропускали до третьего тура, а там речевики путались его сиплого голоса. Говорили: «Хороший парень, темперамент есть, но голос...». И отказывали. Год ушел на раздумья, и в 57-м Майхровский подал документы в цирковое училище. Не то чтобы сдался, нет, все-таки родители цирковые, да вообще к цирку всегда хорошо относился.

Но тут опять та же история. В приемной комиссии были вахтанговцы: Татьяна Харитоновна Манучарова, Ада Васильевна Пушкина. Для них его голос — нож в сердце. Расстроился Женя ужасно. Тут, правда, Каштелян, известный педагог, говорит: «Давайте, молодой человек, попробуем такой этюд — вас не приняли в цирковое училище». А Майхровский по харак-

теру оптимист. Самые трудные ситуации в нем такой эмоциональный накал рождают, откуда что берется?

Даже теперь, став первоклассным акробатом и эквилибристом, Майхровский вряд ли бы рискнул повторить совершенно невообразимые каскады, которые он тогда выделывал перед онемевшей от испуга комиссией. Так и приняли — с испытательным сроком до первой сессии. Пусть, мол, докажет. А вышло, что доказывать пришлось всю жизнь. И тем, кто не верил в него, и прежде всего — себе самому.

Выручило одно — одержимость цирком. Он приходил в училище в семь утра, уходил в два ночи. Два курса занимался сразу на двух отделениях: клоунады и акробатическом. Много внимания уделял музыке и профессионально овладел двумя инструментами: трубой и саксофоном. Через некоторое время Евгений пришел в кабинет директора училища Волошина и попросил просмотреть его «домашнюю работу». Майхоовский составил пирамиду из 7 стульев — один на другой, а на самом верхнем, балансируя на двух его ножках, заиграл на трубе. Когда он стулья под потолок загнал, Волошин всполошился: «Нет, этот трюк нужно на манеже показывать, на полу опасно», и позвал для страховки педагога. А

ЕВГЕНИЙ МАЙХРОВСКИЙ

финал номера был таким: Женя отбросил трубу, стул, на котором балансировал, и <солдатиком» пролетел вниз сквозь сиденья стульев (они были специально подготовлены). Эффектный финал! После этого Волошин распорядился: «Не трогать парня, пусть работает!».

...Если в искусстве нет изобретательства, то это уже не искусство. Таким образом, воображение является обязательным, **а** развить его можно только тренировками.

Впрочем, хороший клоун — всегда загадка. Путь Майхровского в клоунаду — через труд, через постоянный тренинг. И он этого не скрывает. И потому, что может трудиться, и потому, что истинному таланту скрывать нечего...

Уже перед завершением учебы один из педагогов посоветовал ему взять в «партнеры» собаку. В первое же воскресенье Женя отправился на Птичий рынок. Каких собак там только не было! Но той, единственной, он в тот день не нашел. Полгода ездил на Птичку, как называют этот рынок в народе, но нужный пес не встречался: один был похож на собаку Карандаша, другой — на собаку Вяткина, то не та масть, то не тот возраст. И вот однажды видит: стоит человек с песиком будто специально по его заказу - помесь тибетского терьера с карликовым пуделем, беленький, с рыжеватыми ушами... Одна беда — хозяин просил за него пятнадцать рублей (по тем временам большие деньги: проезд в метро стоил пятачок, обед в столовой -70-80 копеек, шапка-ушанка — 10 рублей), а в кармане у будущего клоуна лежала только пятерка. Несколько раз подходил к продавцу, но тот цену не сбавляет. Евгений наконец вынул студенческий билет, объяснил, для чего ему пес. Продавец не верит, и все тут! Пришлось Жене снять пальто, шапку и показать стойку на руках, курбет, сальто. Продавец перепугался. «Забирай собаку, — шепчет, — а то нас с тобой заберут в кутузку». Так достался Майхровскому Филя, или, более торжественно - Простофиля. В этот день он нашел не только Филю, но и себя.

Позже у него было много собак, но на манеже все они звались Филями — Простофилями, все были белыми и лохматыми. Они прекрасно понимали своего хозяина и даже помогали придумывать клоунады. Однажды произошел такой случай. Одна из собачек вбежала в комнату и замерла у ног обедавшего хозяина, трогательно склонив набок голову, и он, презрев все правила, угостил ее лакомым кусочком. Через минуту Простофиля выскочила в другую комнату и... привела за собой других собак. «Родственников привела?» — засмеялся Евгений. Так родилась реприза «Ужин», главная тема которой — любовь к животным.

Майхровский стал хорошим дрессировщиком собачек. И его «визитная карточка» — выходная реприза, с которой он неизменно появляется перед зрителями, завершается тем, что терьер Филя сам прыгает в его хозяйственную сумку.

У клоуна с поэтическим именем Май (это не только первые буквы его фамилии, но и последний месяц весны: солнечный, яркий, радостный) реприз много, но он присутствует на манеже не только, когда заполняет паузы между номерами. Время от времени он появляется из-за форганга (занавеса) и как бы подсматривает: что же там происходит, не пора ли вклиниться, придумать что-нибудь смешное?

Обычно Май выходит на манеж со своим «фирменным» возгласом «ой-ой-ой!». Какое богатство красок и оттенков в этом коротком восклицании! Взять хотя бы классическую репризу «Чаевые». Майхровский аккуратно раскладывает на манеже для чистки свой пиджак, а униформист пренебрежительно отодвигает его ногой. «Ой-ой-ой!» — кричит Май, и в этом крике возмущение, недоумение: как можно так обращаться с дорогой вещью?

Когда ему на помощь приходит инспектор манежа, услужливо снимая с него пылинки, опять слышится «ой-ой-ой». На этот раз в нем отчетливо звучит благодарность человеку, бескорыстно пришедшему на выручку. Но стоит инспектору потребо-

вать за свою услугу вознаграждение, как в этом восклицании уже негодование, разочарование. Сценка по существу пантомимическая, но единственное восклицание «ойой-ой» вмещает в себя такое разнообразие эмоций, интонаций, что остается впечатление состоявшегося диалога между коверным и инспектором.

«Клоун — большой ребенок, я в этом убежден, — говорит Май. — Отсюда желание раскрыть мир ребенка глазами клоуна, сохранить детское непосредственное отношение к окружающему миру».

У него есть своя тема, которую он ведет через репризы — тема человеколюбия, тема веселого человека, которого иногда постигают жизненные неудачи, но он всегда выходит из них победителем. Репризы «Штанга» и «Бокс» на первый взгляд «спортивные». На самом деле это глубоко трогательные жизненные истории, «рассказанные» по-клоунски смешно и в то же время лирично. В музыкальной сценке «Труба» особенно наглядно можно увидеть, как сочетаются две стороны дарования Майхровского - комическая и лирическая. Вот он выходит на арену: во фраке, белых перчатках, кланяется и начинает играть на трубе. И тут же мгновенный переход к смешному: Май раскланивается во все стороны, и ноги его нелепо закручиваются винтом. Под аплодисменты публики он возвращается на манеж, но стоит ему протянуть руку к трубе, как она протестующе «кричит» — не хочет, чтобы на ней играл такой неумеха. Май рассержен, он размышляет, что делать? Влепить строптивой трубе «апач», то есть пощечину? Грозно цыкнуть на нее? Нет, Май нежно, как ребенка, берет трубу на руки, дает ей соску (вставляет ее в мундштук) и начинает ласково укачивать. Труба, словно дразня неудачливого музыканта, вновь что-то недовольно бурчит. Все понятно! Это проделка озорника-униформиста!.. Май затыкает ему рот соской и с независимым видом, будто это не его разыграли, уходит с манежа.

А вообще Май — клоун универсальный. Он работал комиком в воздушном полете, эксцентриком в группе «Акробаты с бочками», комиком-вольтижером. Как-тс в номере акробатов-каскадеров «Веселые поварята» один из партнеров заболел, заменить его предложили Майхровскому. Ок за два дня подготовился и до конца программы успешно выступал в нем.

К 60-летию революции режиссер

Игорь Тернавский поставил в Пермском цирке спектакль «Бумбараш» по книге Аркадия Гайдара. Главную роль в спектакле сыграл Евгений Майхровский. Он летал под куполом как воздушный гимнаст, скакал на лошадях, стрелял, дрался, пел.

В спектаклях, которые поставил клоун вместе с режиссерами Тернавским и Сони-

ным, он выкладывался до конца и до конца безраздельно отдавал себя работе, играл ли Бумбараша или мистера Жоржа в «Каштанке». Но ведь и приобретал, обогащался! Вот в чем секрет, вот в чем хитрость истинного мастера: чем больше отдаешь, тем! больше получаешь в ответ. И если у многих его коллег клоунский образ, столь отчетливый и яркий в молодости, с годами, обрастая штампами, тускнеет, то Май набирает «цвет». А когда ему стареть, если! столько работы?

Нет ни одного по-настоящему крупного актера, путь которого был сплошь усеяк розами. И творческая биография Евгения Майхровского — тому подтверждение. Может быть, именно это преодоление трудностей и рождает истинного творца. Слабые не выдерживают, ломаются, сильные достигают цели. Важно только, чтобы цель эта была верной. А еще, чтобы по дороге не растерять то главное, ради чего отправился в путь.

Сегодня на манеже выступает вся семья Майхровских. Это в традициях цирка. Это в стиле народного артиста России Евгения Майхровского — учиться самому и учить других. В пьесе драматурга В.Розова «В добрый час» есть такие слова: «Каждый человек должен иметь точку опоры». Майхровский давно понял, что цирк, клоунада — его точка опоры.

СЕРГЕЙ МАКАРОВ

Если бы когда-то в давние времена любителю цирка сказали, что клоун сможет стать доктором наук, президентом Академии циркового искусства (тоже из области фантастики), это было бы воспринято как сенсация или как розыгрыш.

Но это случилось. Сергей Макаров, который в 60-е годы выходил на манеж как клоун и как комический иллюзионист, занялся наукой, изучающей тайны этого уникального явления — клоунада.

Вот почему мы сочли уместным поставить статью о нем в ряду со статьями о клоунах российского манежа.

Почему он пришел в цирк? Ведь его семья никакого отношения к искусству не имела (отец — врач, мать — учительница). Разве что жили рядом: от Большого Каретного до Цветного бульвара рукой подать.

Сережа очень рано полюбил комедийное искусство. А еще — фокусы. И эту любовь сохранил по сей день. Спросите какие его любимые жанры в цирке, он ответит: «Клоунада и иллюзия». По клоунаде он написал учебник — по нему учатся студенты циркового училища. Подобного учебника не существует. Кто знает, воз-

можно, когда-нибудь появится и учебник Макарова по искусству иллюзии.

Но вернемся в детство. Его кумиром был Карандаш. Мальчик не пропускал ни одной премьеры с великим клоуном. Уже тогда он решил: «Буду комиком». После школы Сергей поступал во все театральные училища Москвы, везде доходил до третьего тура, но словно что-то стояло на его пути — проваливался на экзаменах.

А может быть, это судьба определяла Макарову иную дорогу.

Однажды он увидел объявление о наборе в цирковое училище. И решил: чем год зря болтаться, попробую туда поступить, поучиться, а там — снова в театральное.

Курс клоунады набирал Марк Соломонович Местечкин. В ГУЦЭИ (так сокращенно называется училище) Макарова приняли. Педагоги были прекрасные, и вскоре юноша понял: все, к чему он стремился, поступая в театральное, можно получить здесь. И решил остаться.

После училища попал в Молодежный коллектив, которым руководил знаменитый цирковой режиссер Арнольд Арнольд. Уроки мастера укрепили юношу в правильности сделанного выбора. Он работал буффонадным клоуном, был Рыжим в паре со

Львом Зиновьевым, затем — коверным. Параллельно демонстрировал номер «Комическая иллюзия».

Милый, все время улыбающийся человек проделывал не очень затейливые фокусы, получая от этого удовольствие и удивляясь, как это у него здорово получается. После каждого удачно исполненного трюка он гладил себя по голове: вот, мол, какой я молодец. Это было неожиданно и смешно.

В 1965 году судьба свела Сергея Михайловича с блистательным журналистом Александром Наумовичем Асарканом. Тот посоветовал артисту писать. Одна из первых статей Макарова называлась «В защиту Рыжего».

В этом же году Макаров поступил на театроведческий факультет ГИТИСа. Разъезжать по циркам и по-настоящему серьезно учиться в институте было трудно — он решил осесть в Москве. Начал преподавать в цирковом училище.

Когда в 1967 году из стен училища выпускался молодежный коллектив «Беспокойные сердца», тогдашний директор училища А.Волошин предложил Макарову возглавить этот коллектив. Директором стал Евгений Майхровский (впоследствии знаменитый клоун), Макаров — художественным руководителем и клоуном. И снова дороги, и снова цирки, и снова — выступления на манеже. С «Беспокойными сердцами» он проездил целый год. В 1967 году режиссер Марк Соломонович Местечкин пригласил коллектив в цирк на Цветном бульваре.

...Вот и пришел тот день, когда он вышел на манеж прославленного цирка, в который бегал мальчишкой смотреть любимого Карандаша. Осуществилась мечта детства — он стал комиком, выступал на Московском манеже, который считал для себя вершиной. А дальше? А дальше Макаров вдруг решает уйти из цирка, точнее, с манежа, но не из цирка. Он захотел познать суть искусства клоунады. Книг о клоунаде не было. И артист решил превратить клоунаду в науку.

В это время Местечкин предложил ему «стажировку при мастере» (так это официально называлось) в цирке на Цветном. Местечкина Макаров обожал и поэтому с радостью согласился. Так перед ним открылось еще одно поле деятельности —

режиссура. Он закончил ГИТИС и стажировку в цирке одновременно. Артист, режиссер, театровед. Начинался самый трудный, самый серьезный этап его жизни наука. Он был давно готов вступить на этот путь, и вступил на него. Когда ему предложили учебу в аспирантуре, Макаров почему-то выбрал специализацию «философия», но через полгода понял, что это не то. Перешел в институт искусствознания, где в 1974 году защитил кандидатскую диссертацию «Народные традиции клоунады», а в 1992 году — докторскую — «Искусство цирковых клоунов XX века». Между этими датами жизнь длиной в 18 лет. И, как у каждого, она была всякой, как говорится, в полосочку. Но кем бы он ни был за эти годы, чем бы ни занимался, преподавал ли в ГИТИСе, был ли директором циркового училища, главным редактором журнала «Эстрада и цирк» или вице-президентом компании «Российский цирк», он всегда оставался преданным цирку, науке и режиссуре, которую не оставлял все эти годы, помогая то одному, то другому клоуну найти свой репертуар, а значит, и свое лицо тоже.

Никулин и Шуйдин, Майхровский, Альперов и Борисов, Абдикеев и Мустафин, Савельев, Голота и Терешкин. А на эстраде Сергей Иншин, Владимир Серов... Это далеко не все артисты, с которыми сотрудничал Сергей Макаров. Он поставил несколько цирковых спектаклей: «Цветы дружбы» (совместно с Ю.Архипцевым), «Цирковой салют», «Хрустальные слезы».

Именно режиссура крепкой ниточкой привязывала Макарова к манежу, который он оставил очень рано и на котором еще не все сказал. Кстати, после аспирантуры он хотел вернуться в клоуны, но на манеж его не пустили: «Негоже, чтобы зрители смеялись над ученым, смеялись над наукой...».

Когда в Институте искусствознания создали сектор, занимающийся изучением циркового и эстрадного искусства, он стал в нем младшим, а затем ведущим научным сотрудником.

Он публиковал рецензии на программы, поставленные в Московском цирке, а также статьи, имеющие историко-теоретический характер: «Клоуны и театр Аристофана», «Смех — начало свободы», «Клоуны и дети», «Клоун — юморист и сатирик», «Таинство циркового искусства» и многие-многие другие.

Особенное значение имеют книги, написанные Макаровым. Одна из них посвящена выдающимся мастерам клоунады Юрию Никулину и Михаилу Шуйдину, она вышла в 1981 году. Другая носит название «Советская клоунада», она издана в 1986 году и предназначена для отделений режиссуры цирка театральных институтов и училищ эстрадно-циркового искусства.

На страницах книги дается подробная характеристика клоунских масок, анализируется репертуар, созданный в разные годы ведущими мастерами манежа. Знакомство с лучшими клоунскими номерами позволяет глубже проникнуть в секреты этого жанра, понять его законы.

В 1993 году вышла еще одна книга Макарова, он ее написал совместно с журналистом Н.В.Кривенко. Книга называется «Этот неповторимый медвежий цирк». В ней ведется рассказ о знаменитом дрессировщике В.И.Филатове, показавшем такие чудеса дрессировки медведей, о которых до него даже не мечтали.

Сейчас Сергей Макаров заканчивает работу над книгой «История мировой клоунады».

Итак, клоун — ученый. А почему бы и нет. Мы давно уже привыкли, что искусство цирка — удивительное искусство. И воспринимаем его необычность как норму, а потому и факт, свидетельствующий о том, что клоун может стать ученым, воспринимается как естественный ход событий.

Сергей Макаров (слева) и шведский клоун Рубен Матсен